

Се Сицзэ тихо всхлипнул, его глаза были красными, когда он смотрел на мужчину:

— У тебя щетина, ты не побрился, одежда помятая, ты что, солёный огурец?

За пять дней, проведённых в беготне, у него не было времени привести себя в порядок.

Сун Ле потрогал щетину на подбородке и с невесёлой усмешкой ответил:

— Сейчас побреюсь и приму душ.

— У тебя синяки под глазами, и глаза красные. Ты уже не молод, недосып вреден для здоровья.

Сун Ле ответил:

— Я занимаюсь спортом, несколько дней без сна — это не проблема.

Се Сицзэ фыркнул:

— Я говорю тебе отдыхать, а ты ещё возражаешь.

Сун Ле улыбнулся, и даже с красными глазами он выглядел привлекательно:

— Я рад, что ты заботишься обо мне.

— Словно я холодный и бездушный, совсем не умею заботиться.

— Это моя ошибка.

Се Сицзэ с раздражением ударил его, но кулак был пойман ладонью Сун Лэя, который слегка пощекотал его. Се Сицзэ, смеясь и плача, смотрел на него, а Сун Ле бережно вытер ему нос салфеткой.

Он прерывисто произнёс:

— Такой взрослый, а всё ещё говоришь сладкие речи.

Сун Ле не отпускал его руку:

— Я хочу, чтобы ты был счастлив, и говорю искренне.

Он выругался:

— Старый негодяй.

Лицо Се Сицзэ слегка покраснело, и он попытался вырвать руку, но Сун Ле не отпускал. Тогда он начал толкать его:

— Иди быстро в душ, приведи себя в порядок. Хочу видеть тебя красавчиком.

Он не хотел видеть Сун Лэя в таком жалком виде, это делало его несчастным.

Внезапно Сун Ле наклонился и коснулся его лба своим. Се Сицзэ вздрогнул, едва не задержав дыхание. Если бы он подвинулся ещё чуть-чуть, Сун Ле мог бы его поцеловать.

Он неосознанно задержал дыхание, услышав смех мужчины, исходящий из груди, и

почувствовал его тёплое дыхание перед лицом, пропитанное его запахом.

Се Сицзэ не осмелился открыть глаза, и поэтому не заметил, как в глазах Сун Лэя загорелся искрящийся блеск.

Се Сицзэ мог обманывать, но его реакция на Сун Лэя часто проявлялась непроизвольно, без участия разума.

Сун Ле вышел из ванной, весь в парах, щетина была сбрита, и, если не считать красных глаз, он выглядел гораздо бодрее.

Се Сицзэ украдкой посмотрел на него, думая, что этот старый мужчина, приведя себя в порядок, всё ещё оставался привлекательным. Он даже беспокоился, что из-за усталости тот потеряет свою красоту, но теперь понял, что зря волновался. Даже через тридцать-сорок лет этот мужчина останется красивым стариком.

Он хмыкнул, не зная, о чём думая, и, заметив, что Сун Ле продолжает смотреть на него, быстро натянул одеяло на голову. Из-под одеяла раздался глухой голос:

— Чего уставился?

Одеяло вдруг натянулось, и Сун Ле, оперевшись на изголовье, обнял его через него:

— Ты принял лекарство?

Се Сицзэ, лежа под одеялом, пытался оттолкнуть мужчину:

— Говори, но не трогай.

Сун Ле с добродушной улыбкой повторил:

— Ты принял лекарство?

— Принял, отойни!

— Сяоцзэ, ты же только что заботился обо мне.

В его голосе звучала лёгкая обида, и Се Сицзэ, раздражённый, сбросил одеяло, встретившись с мягкими карими глазами Сун Лэя.

Тот вовсе не был обижен, в его глазах светилась шутливая улыбка:

— Цзэбао.

В этот момент Сун Ле уже был уверен в одном важном факте. Он погладил волосы Се Сицзэ, не зная, как защитить и окружить заботой человека, которого он снова обрёл.

— Не называй меня так.

Се Сицзэ оттолкнул его руку и повернулся к нему затылком:

— Я хочу спать.

— Я буду смотреть, как ты спишь.

Се Сицзэ:

— ...

Он даже начал ненавидеть Сун Лэя. Этот человек всегда легко находил его слабости, безгранично заботился о нём, но сам оставался непробиваемым, не отвечая на его чувства. Разве он хочет только его любви? Мужчина, который раньше не любил, мог ли он после перерождения просто так полюбить? Он уже не был уверен. Сун Ле был слишком искусен, он был просто муравьём в его руках, которого тот водил за нос.

— Сяоцзэ, ты скучаешь по бабушке?

Се Сицзэ раздражённо крикнул:

— Не относись ко мне как к ребёнку.

Как можно не скучать? Как можно не скучать?

Он с горечью отвернулся, сердце сжалось, и он вдруг не знал, что делать дальше. Их семья Се осталась только с ним, и в прошлой жизни, и сейчас этот мир был для него чужим. Птица, запертая в клетке много лет, уже забыла, как летать, и могла только волочить крылья, медленно ползя.

Семья Се была его корнями. После ухода бабушки, останется ли он в деревне или решит что-то другое?

Казалось, Сун Ле уловил его растерянность, и, наклонившись, посмотрел ему в глаза:

— Сяоцзэ, поедешь со мной домой?

Осенью, когда Се Сицзэ было восемь лет, после смерти Се Яня в автокатастрофе, Сун Ле сказал ему то же самое. Тогда он действовал по просьбе Се Яня, но теперь он хотел вернуть Се Сицзэ домой по собственному желанию.

Се Сицзэ сразу покачал головой:

— Я не поеду.

Намеренно игнорируя потухший взгляд Сун Лэя, он добавил:

— У меня свои планы, не спрашивай.

Он сказал:

— Завтра, после капельницы, я хочу пойти в полицию, чтобы снять бабушку с учёта.

Сун Ли внимательно посмотрел на него, а затем согласился и вышел, чтобы позвонить водителю, попросив его завтра привезти необходимые документы.

Сун Ли чувствовал, что Се Сицзэ всё ещё ненавидит его за прошлую холодность. Именно поэтому в этой жизни он притворяется, что забыл всё, не хочет сталкиваться с ним и не принимает его чувств. Ребёнок, которого он вырастил, всегда следовал за ним, а теперь избегает его, пряча колкости в словах.

Они притворились, что всё в порядке, и провели ночь. Утром Се Сицзэ измерил температуру, жар спал, и она стабилизировалась. После консультации с врачом они покинули больницу и отправились в полицейский участок в городке, чтобы снять бабушку Гуйхуа с учёта.

Водитель приехал рано, машина ждала снаружи больницы. Перед больницей было много ступенек, на рассвете прошёл дождь, дренажная система больницы была плохой, и на полу скопилась вода. Се Сицзэ был одет в белый спортивный костюм, и его белые туфли и штаны пострадали бы, если бы он прошёл по ступенькам.

Сун Ли протянул ему зонт, стоя на две ступеньки ниже:

— Давай.

Его собственные туфли промокли, но он не обращал на это внимания. Се Сицзэ, увидев, что его рубашка слегка промокла, не стал медлить и послушно забрался к нему на спину, позволив Сун Ли нести себя вниз.

— Сун Ли...

— Угу?

— ...

Он хотел спросить, помнит ли тот тот год, когда часто шли ливни, школу закрыли, и учеников отпустили домой раньше. Дождь был настолько сильным, что весь район остался без электричества, а вода на дорогах почти затопила машины. Многие родители пришли пешком, чтобы забрать своих детей.

Тогда Сун Ли был на собрании, и Се Сицзэ не дождался его. Он позвонил ему с телефона охранника, сказав, что завидует одноклассникам, которых забирают родители. Вскоре после звонка Сун Ли пришёл.

Мужчина, как и все родители, шёл в резиновых сапогах и плаще, машина не могла проехать, и Сун Ли нёс его на спине, шагая через улицы. Вода доходила ему до бёдер, но он шёл уверенно, не позволяя никому задеть его.

Улицы были заполнены разноцветными зонтами, головами людей, но Се Сицзэ считал, что Сун Ли был самым красивым, их зонт — самым лучшим, а его спина — самой широкой и надёжной.

В его глазах Сун Ли не имел ни одного недостатка. Сун Ли привык защищать его, и он был готов оставаться в его объятиях, сложив крылья, превратив любовь в темницу.

В тот год Се Сицзэ было пятнадцать, и его сердце впервые дрогнуло от любви.

В Сичжоу Се Сицзэ больше всего времени проводил во дворе деревни Лотоса. Кроме деревни Лотоса, он бывал только в больнице, а в полицейский участок он попал впервые.

В окне обслуживания стояли два-три мужика, от которых валил пар, и они небрежно болтали на местном диалекте. Людей было мало, но работа шла медленно. Сотрудник внутри говорил резким голосом, время от времени отпуская язвительные замечания.

— Сэр, я пойду встану в очередь, вы отдохните здесь.

Водитель, увидев обстановку в окне, опытно предложил, ожидая согласия Сун Ли.

Но на этот раз Се Сицзэ опередил его:

— Не надо, я сам справлюсь.

Сун Ли нахмурился, рассматривая Се Сицзэ, пытаясь понять причину его упрямства. Обычно, находясь вне дома, он всё организовывал сам, а Се Сицзэ почти никогда не интересовался такими делами. На этот раз он сам вызвался заниматься чем-то, что требовало общения с посторонними и официальными лицами.

Се Сицзэ сказал:

— Это, возможно, единственное и последнее, что я могу сделать для бабушки.

<http://bllate.org/book/16434/1489744>